

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЯЗЫКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Анатолий СЕНЬКО,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета

Статья посвящена вопросам обеспечения реализации правоприменителем положений законодательства о языке судопроизводства. Автор анализируется проблематика официального опубликования нормативных правовых актов на белорусском и русском языках и наличия русско-белорусских и белорусско-русских словарей юридических терминов, являющихся лингвистической основой ведения судами Республики Беларусь судопроизводства на обоих государственных языках. В статье предлагаются конкретные, поэтапные мероприятия, направленные на оптимальное решение задач по усилению лингвистических гарантий института языка судопроизводства.

Полнота и точность реализации предписаний законодательства во многом обусловлена действенной системой гарантий, обеспечивающих реальное исполнение на практике тех или иных правовых норм. Отсутствие подобного механизма либо наличие в нем пробелов нередко приводит к приданию нормам права характера декларативных лозунгов, что в конечном итоге не лучшим образом сказывается на процессе правового регулирования общественных отношений. Вследствие этого насущной задачей является выявление необеспеченных (недостаточно обеспеченных) правовых норм и институтов, а также создание надлежащих условий для их эффективной реализации.

Обращают на себя внимание вопросы, связанные с полнотой обеспечения такого процессуального принципа, как язык судопроизводства. Рассматриваемый институт права регламентирован различными нормативными правовыми актами (далее – правовые акты), в том числе Конституцией Республики Беларусь и Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекс о судопроизводстве). В соответствии с ч. 1 ст. 13 Кодекса о судопроизводстве в судах Республики Беларусь процесс ведется на белорусском или русском языке. Данное положение конкретизируется в процессуальном законодательстве – Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь, Процессуальным исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь.

К исследованию проблематики обеспечения рассматриваемого принципа процессуалисты обращаются давно, что подтверждается наличием значительного количества научных и научно-практических публикаций. Указанное обусловлено тем, что именно правовые положения о языке судопроизводства, возведенные законодателем в ранг принципов права, наряду с иными принципами лежат в основе каждой из отраслей процессуального права и правовой системы государства в целом [1, с. 70–76; с. 21–22; 2, с. 15–16].

В теории неоднократно отмечалось, что для осуществления процессуальной деятельности в соответствии с принципом языка судопроизводства необходимо идеологическую формулировку этого принципа перевести в технологическую норму и обеспечить ее рядом гарантий. Так, И.И.Мартинovich в связи с наличием в республике двух государственных языков обоснованно указывает на необходимость определения в законодательстве правового механизма решения вопроса о том, на каком конкретно языке ведется судопроизводство по тому или иному делу. Без этого двуязычие в судопроизводстве не сможет нормально функционировать. Для достижения поставленной задачи автором предлагается в уголовном процессе решение вопроса о языке судопроизводства возложить на суд (судью), в гражданском процессе право выбора языка судопроизводства предоставить истцам [2, с. 16].

Вместе с тем следует отметить, что из поля зрения ученых-юристов и практиков выпал один из существенных, на наш взгляд, компонентов, гарантирующих реализацию двуязычия судопроизводства. Им является институт лингвистического обеспечения языка судопроизводства, под которым в данной статье понимается, прежде всего, наличие официально-опубликованных на обоих государственных языках правовых актов, а также белорусско-русских и русско-белорусских словарей юридических терминов, которым придан официальный статус применения.

В настоящее время в Республике Беларусь основная часть законодательства официально опубликована на русском языке. При этом практически отсутствуют опубликованные на белорусском языке изданные и принятые в последние годы указы и декреты Президента Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь. Нет ни одного опубликованного на белорусском языке кодекса. Приведенное не способствует ведению судами судопроизводства на белорусском языке. Ведь для этого необходимо свободное знание действующего законодательства на белорусском языке, основанного на изучении и анализе белорусскоязычных текстов правовых актов.

Очевидно, что судьи, а также иные участники судопроизводства на индивидуальном уровне не в состоянии качественно восполнить имеющийся пробел. Лишь в крайне редких случаях отдельные судьи репаются на самостоятельный перевод норм материального и процессуального права на белорусский язык. Однако такой, по существу кустарный перевод, несет в себе риски. Так, он не лучшим образом сказывается на оперативности правосудия и осуществлении судами иных функций, так как процесс перевода норм права отнимает у судей время, необходимое для совершения правосудия. Кроме того, он влечет за собой ошибки и неточности в тексте перевода, что, в свою очередь, сказывается на юридической грамотности протоколов судебных заседаний, иных процессуальных актов и актов делопроизводства, выносимых судом в ходе ведения судопроизводства.

Таким образом, в рассматриваемом плане несколько декларативно выглядят предписания законодательства о возможности ведения судопроизводства на белорусском языке. Изложенные предпосылки побуждают детально рассмотреть существующую модель лингвистического обеспечения норм права об языке судопроизводства и сформулировать свои предложения по ее совершенствованию.

Для этого прежде всего необходимо обратиться к опыту европейских государств, объявивших государственными два и более языка. Показательной является модель лингвистического обеспечения института языка судопроизводства, сложившаяся в Республике Кипр, Конституцией которой установлено, что официальными языками Кипра являются греческий и турецкий языки. Законодательные, исполнительные и административные акты и документы составляются и публикуются на обоих официальных языках. Любые противоречия между греческим и турецким юридическими текстами разрешаются судом [3, ст. 3]. Отдельно Конституцией Республики Кипр оговариваются вопросы языка судопроизводства. Так, ч. 4 ст. 3 Конституции предписывает, что судопроизводство ведется на греческом языке, если обе участвующие стороны – представители греческой общины, и на турецком языке, если обе участвующие стороны – представители турецкой общины. Если же участвующие стороны представлены обеими общинами, применяются одновременно греческий и турецкий языки. При этом Верховный суд уполномочен определять, какой из них (или оба) подлежит применению в каждом конкретном случае.

По Союзной конституции Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 года национальными языками Швейцарии являются немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки. В качестве официальных языков названы немецкий, французский и итальянский языки. В отношении с лицами ретороманского происхождения официальным языком также является ретороманский язык [4, ст.ст. 4, 70]. Все юридические тексты публикуются на официальных языках и имеют одинаковую юридиче-

скую силу [4, с. 275–276]. Конституцией Великого герцогства Люксембург от 17 октября 1868 года установлено, что порядок употребления языков в судебном производстве определяется отдельным законом [5, ст. 29].

Своеобразно решен вопрос о национальном и официальных языках в целом и о языке судопроизводства в Конституции Мальтийской Республики 1964 года. Так, национальным языком Мальты является мальтийский язык. Официальными языками – мальтийский и английский языки и «другой язык, который может быть предписан Парламентом (законом, принятым не менее чем двумя третями всех членов Палаты представителей)». Языком судопроизводства является мальтийский язык, а в случаях, непосредственно предусмотренных законодательством, – английский [6, ст. 5].

Анализ конституционных актов европейских государств позволяет заключить, что страны, провозгласившие государственными (официальными) языками два и более, параллельно возлагают на себя обязательства по опубликованию правовых актов на всех государственных языках. Такой шаг, полагаем, способствует обеспечению всестороннего развития и функционирования государственных языков во всех сферах правовых отношений, в том числе и при выборе языка ведения судопроизводства.

Подобную практику, представляется, следует перенять и Республике Беларусь. Для этого полагаем необходимым решить задачу по непосредственному закреплению на законодательном уровне требований об обязательном официальном опубликовании правовых актов на белорусском и русском языках. Основным доводом, говорящим в пользу высказанного суждения, являются результаты толкования положений ст. 17 Конституции Республики Беларусь, провозгласивших белорусский и русский языки государственными языками, и положений Закона Республики Беларусь от 26 января 1990 года «О языках в Республике Беларусь», предписывающих государственным органам и другим организациям создавать необходимые условия для развития белорусского и русского языков (ст. 2).

Однако в принятых (изданных) в развитие названных правовых предписаний актах идея официального опубликования правовых актов на обоих государственных языках была проведена не полно и не последовательно. В статье 62 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон о НПА) в исследуемом контексте лишь указывается, что такое опубликование осуществляется на том государственном языке, на котором правовые акты приняты (изданы). По сравнению с указанной статьей в Положении об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь, утвержденном Декретом Президента Республики Беларусь от 10 декабря 1998 г. №22 (далее – Положение), напел свое закрепление более широкий подход по вопросу языка опубликования правовых актов. Согласно

Положению опубликование осуществляется, как правило, на белорусском и русском языках в соответствии с подписанным подлинником (п. 5). Данное правовое предписание более полно воспроизводит соответствующие конституционные положения. Однако оно не является гарантией опубликования правовых актов на белорусском и русском языках. На это правовое несовершенство неоднократно указывалось в специальной литературе, в частности Г.А.Василевичем, который считает, что в целях полного исполнения норм ст. 17 Конституции Республики Беларусь все правовые акты должны публиковаться на двух государственных языках [7, с. 195]. С подобным предложением следует полностью согласиться и порекомендовать компетентным на то субъектам нормотворческого процесса внести соответствующие изменения и дополнения в Закон о НПА и Положение.

Практическая реализация указанного требует предварительного проведения комплекса подготовительных мероприятий, направленных на создание условий, способствующих эффективной реализации в рамках нормотворческого и правоприменительного процессов. Здесь стоит задача разрешения существующей проблемы перевода юридических терминов с русского языка на белорусский язык и наоборот, а также подготовки текстов правовых актов на белорусском языке.

Перевод большей части юридических терминов с одного государственного языка на другой, а также использование в нормотворческом процессе юридических терминов на белорусском языке не вызывает каких-либо серьезных затруднений. В то же время этого нельзя сказать относительно оставшейся части юридической терминологии. Трудности ее перевода и использования при написании текстов правовых актов на белорусском языке связаны с необходимостью соблюдения единства терминологии. Вместе с тем представленные в республике русско-белорусские и белорусско-русские словари не позволяют соблюсти это требование. Зачастую при переводе юридического термина предлагается на выбор несколько вариантов перевода либо в словарях отсутствует вовсе вариант их перевода.

Так, в девятом издании второго тома Русско-белорусского словаря, подготовленного Институтом языкознания им. Я.Коласа и изданного в 2005 году, представлено два варианта перевода термина «приговор» (судебный), а именно – «прыгавор» и «прысуд» [8]. В такой ситуации перед юристами встает дилемма: какой конкретно термин использовать – «прыгавор» или «прысуд». В настоящее время нет никаких гарантий того, что правоведы займут в этом вопросе единую позицию, как того требует правило о единстве использования юридических терминов. Более того, практика нормотворческой деятельности свидетельствует об обратном. В правовых актах, опубликованных на белорусском языке, используются два варианта перевода юридического термина «приговор», что противоречит основам нормотворческой техники. В частности, «Дагавор паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай

Польска аб прававой дапамозе і прававых адносінах па грамадзянскіх, сямейных, працоўных і крымінальных справах», подписанный в г. Минске 26 октября 1994 года, оперирует термином «прыгавор». В отличие от него «Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Каралеўства Бельгія аб паветраных зносінах», заключенное в г. Брюсселе 26 марта 1996 года, содержит термин «прысуд» и так далее.

В зависимости от выбора варианта перевода юридического термина «приговор» решается и вопрос о правильности перевода череды однотипных ему других юридических терминов. Например, юридических терминов «приговорить» в вышеуказанном словаре содержится два варианта перевода – «прыгаварыць» и «прысудзіць», «приговоренный» – «прыгавораны» и «прысуджаны».

Помимо юридического термина «приговор» возникают определенные сложности при переводе с русского языка на белорусский язык и иных процессуальных форм принятия судом решений в ходе отправления правосудия и осуществления возложенных на суд функций. В русско-белорусских словарях отсутствуют приемлемые варианты перевода терминов «определение» и «постановление», позволяющих при переводе передавать и сохранять их юридическую сущность и значение. Важно также иметь в виду, что в отдельных случаях для перевода юридических терминов «приговор», «определение» и «постановление» в словарях предлагается использовать одну и ту же терминологию, что приводит к искажению содержания. В частности, юридический термин «постановление» согласно словарям возможно перевести как «пастанова». В то же время в качестве перевода юридического термина «определение» составители словарей предлагают на выбор два варианта – «пастанова» и «прысуд». Таким образом получается, что отличные друг от друга по своему содержанию и значению юридические термины «приговор» и «определение» суда возможно перевести на белорусский язык с помощью слова «прысуд», а юридические термины «постановление» и «определение» – с помощью слова «пастанова».

Рассматриваемые трудности, возникающие при переводе юридических терминов «приговор», «определение» и «постановление» с русского языка на белорусский, усугубляются при обратном переводе юридического текста. К примеру, при первоначальном переводе на белорусский язык юридического термина «определение» было использовано слово «прысуд». Обратный перевод юридического термина «прысуд» в соответствии с третьим изданием третьего тома Белорусско-русского словаря, подготовленного Институтом языкознания им. Я.Коласа и изданного в 2003 году, возможен лишь посредством слова «приговор». Тем самым невольно происходит подмена содержания переводимого юридического текста, ибо в первоначальном русско-язычном варианте текста речь шла об «определении» суда. При обратном же переводе данного текста с белорусского языка на русский язык в отличие от под-

линника уже указывается на другую процессуальную форму принятия судом решения – «приговор» суда.

Проблема перевода с русского на белорусский язык и обратно юридических терминов «приговор», «определение» и «постановление» суда отнюдь не является единственным примером возникновения затруднений при использовании юридической терминологии на белорусском языке. Скорее всего, ее можно рассматривать как типичную ситуацию. Так, в частности, в качестве перевода юридического термина «грабеж» в словарях предлагается три варианта перевода – «грабеж», «рабунак» и «рабаванне», юридического термина «деяние» – два варианта перевода – «дзеянне» и «учынак», юридического термина «мошенник» – четыре варианта перевода – «махляр», «круцель», «апуканец» и «жулік», юридического термина «невменяемость» – три варианта перевода – «поўная адсутнасць паміці», «непрытомнасць» и «бессвядомасць», юридического термина «повестка» – «павестка» и «позва», юридического термина «пособник» – «саўдзельнік» и «хаўруснік», юридического термина «умысел» – «намер» и «задумка», юридического термина «хищение» – «крадзеж», «раскраданне» и «раскрадваанне».

Результаты анализа приводят к однозначному выводу о том, что определение надлежащего механизма одновременного официального опубликования правовых актов на обоих государственных языках практически невозможно без предварительного решения проблематики терминологического перевода юридических терминов с русского языка на белорусский язык и обратно. Одним из государственных органов, призванных решать данные вопросы, является Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ), задача которого состоит в участии в подготовке проектов правовых актов, развитии и совершенствовании юридической терминологии на русском и белорусском языках (п. 5 Положения о Национальном центре правовой информации Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. №524 «О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации»).

В сфере развития и совершенствования юридической терминологии НЦПИ проводится определенная работа. В рамках выполнения научно-исследовательских работ НЦПИ в 2011 году завершилось формирование словаря юридических терминов. Словарь юридических терминов представляет собой совокупность устойчивых выражений, пояснений (толкования) терминов более 8 тыс. правовых понятий национального законодательства, представленных в структурированном виде на государственном (белорусском и русском) и английском языках [9, с. 6].

Вместе с тем видится, что деятельность по разрешению проблематики перевода юридической терминологии должна быть активизирована. Стоит рассмотреть вопрос о привлечении к ее поэтапному осуществлению под эгидой НЦПИ всех

субъектов нормотворческого процесса. На первоначальном этапе разумно было бы выявить и определить перечень юридических терминов, перевод которых с русского языка на белорусский затруднителен либо вовсе невозможен в связи с отсутствием в белорусском языке его аналога.

Содержание второго этапа, как представляется, заключается в подготовке русско-белорусских и белорусско-русских словарей юридических терминов и придания им официального статуса, то есть обязательного соблюдения субъектами нормотворческого процесса и правоприменительной практики закрепленных в словарях правил перевода.

Задачей третьего этапа является создание достаточной белорусскоязычной платформы для перехода к сплошному официальному опубликованию правовых актов на обоих государственных языках. В рамках данного этапа, в частности, целесообразно последовательное проведение работ по переводу и официальному опубликованию на белорусском языке действующих в республике декретов, указов, законов (кодексов); планирование и осуществление комплекса мероприятий (проведение семинаров, круглых столов, форумов, лекций, введение спецкурсов в высших учебных заведениях, обеспечивающих получение юридического образования) по повышению уровня владения субъектами нормотворческой и правоприменительной деятельности юридической терминологией на белорусском языке. Полагаем, что только по завершению третьего подготовительного этапа имеет смысл переходить к повсеместному официальному опубликованию правовых актов на белорусском и русском языках.

1. Бибилло, В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В.Н.Бибилло. – Минск: Изд-во «Университетское», 1986. – 160 с.; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / С.П.Бекешко [и др.]; под ред. С.Т.Шардыко. – 2-е изд. – Минск.: Изд-во «Беларусь», 1968. – 585 с.
2. Мартинович, И. Укрепление и развитие конституционных основ (начал) судебной власти – гарантия эффективности судебной системы / И.Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2008. – №7. – С. 12–16.
3. Конституция Республики Кипр // Конституция государств Европы: в 3 т. – Т. 2; под общей ред. Л.А.Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 210–283.
4. Союзная конституция Швейцарской конфедерации // Конституция государств Европы: в 3 т. – Т. 3; под общей ред. Л.А.Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 537–580.; Коликова, Г.Н. Конституционное право зарубежных стран: учебник / Г.Н.Коликова, Е.В.Колесников, О.В.Афанасьева. – М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2010. – 403 с.
5. Конституция Великого герцогства Люксембург // Конституция государств Европы: в 3 т. – Т. 2; под общей ред. Л.А.Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 402–418.
6. Конституция Мальтийской Республики // Конституция государств Европы: в 3 т. – Т. 2; под общей ред. Л.А.Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 468–538.
7. Василевич, Г.А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г.А.Василевич. – Минск: Интерпрессервис, 2003. – 256 с.
8. Русско-белорусский словарь: в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я.Коласа. – 9-е изд. – Минск: БелЭн, 2005.
9. Сенько, А. Многоязычный словарь / А.Сенько // Юридическая газета. – 2011. – 18 августа. – С. 6.